
РАКУРСЫ

И.Л. МОРОЗОВ*

ТЕРРОРИЗМ КАК ВИД ВООРУЖЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ УРБАНИЗАЦИИ

Аннотация. В статье терроризм рассматривается как особый вид вооруженного политического насилия, активизированного системными проблемами и противоречиями современной цивилизации. Считая терроризм городским феноменом, автор предполагает, что современные тенденции урбанизации, модифицирующие городскую среду, ведут к изменению характера террористических организаций, а также их структуры и механизмов рекрутинга.

Автором выделяются две модели терроризма: терроризм как инструмент широко трактуемой национально-освободительной борьбы (или сепаратизма, этнической и культурной экспансии) и терроризм как форма не состоявшейся, закапсулировавшейся гражданской войны. Обращается внимание на то, что в настоящий момент в крупных городах формируется третья модель терроризма, синтезирующая элементы первых двух. Ее формирование является следствием взаимного «прорастания» цивилизаций в их внутреннее пространства под влиянием глобализации.

* **Морозов Илья Леонидович**, доктор политических наук, профессор кафедры государственного управления и политологии Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», e-mail: politkon@mail.ru

Morozov Ilya, Volgograd Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Volgograd, Russia), e-mail: politkon@mail.ru

© Морозов И.Л., 2018

DOI: 10.31249/poln/2018.04.04

Сделан вывод о том, что современная цивилизация не может искоренить политический терроризм ввиду многофакторности этого феномена, имеющего как внутреннюю, так и международно-политическую природу. Террористические организации превратились в самостоятельных участников мировой политики.

Ключевые слова: терроризм; вооруженное политическое насилие; глобализация; город; урбанизация.

Для цитирования: Морозов И.Л. Терроризм как вид вооруженного политического насилия в условиях глобальной урбанизации // Политическая наука. – М., 2018. – № 4. – С. 69–89. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.04

I.L. Morozov

Terrorism as a type of armed political violence in the context of global urbanization

Abstract. The article sees terrorism as a special kind of armed political violence, intensified by systemic problems and contradictions of modern civilization. Considering terrorism as a city phenomenon, the author assumes that modern tendencies of urbanization that modify the urban environment lead to changes in the nature of terrorist organizations, the structure of terrorist groups, and mechanisms for recruiting personnel for terrorist activities.

Two models of terrorism are presented: terrorism as an instrument of broadly defined national liberation struggle (or separatism or ethnic and cultural expansion), and as a form of a frozen at the embryotic stage civil war. Focus is drawn to the fact that nowadays a third model of terrorism is being formed in cities, synthesizing the first two. It is based on the mutual spread of civilizations into their internal spaces under the influence of globalization.

The author concludes that modern civilization cannot eradicate political terrorism in view of the multifaceted nature of the phenomenon, which stems from internal and international political processes. Terrorist organizations have evolved into independent players on the global scale.

Keywords: terrorism; armed political violence; globalization; city; urbanization.

For citation: Morozov I.L. Terrorism as a type of armed political violence in the context of global urbanization // Political science (RU). – М., 2018. – N 4. – P. 69–89. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.04

Вооруженное насилие как метод воздействия на политического антагониста тысячелетиями выступало в качестве неизменного компонента развития человеческой цивилизации. Одной из его форм был терроризм, известный уже в древних государствах (например, действия иудеев-зилотов против римских завоевателей на Ближнем Востоке). В XIX–XX вв. сформировались основные идейно-политические направления террористической деятельно-

сти: леворадикальное, праворадикальное, этнополитическое, религиозно-политическое (часто – этнорелигиозное). В конце XX в. к ним добавляются новые разновидности, вызванные «болезнями цивилизации», – экологическая («защита» природного мира и окружающей среды [Malkki, 2018]) и более специализированные локальные формы, например агрессивные действия противников абортот.

Рубеж XX–XXI вв. охарактеризовался аномально высокой интенсивностью деятельности террористических организаций, численность которых увеличивалась, а географические масштабы приобрели глобальный характер. Террористические акты современного периода стали характеризоваться высокой технологичностью¹ и запредельной безжалостностью, когда объектом террористических атак сознательно выбирались дети, как в случае с захватом зрителей и актеров мюзикла «Норд-Ост» в октябре 2002 г. в Москве и школы в г. Беслан в сентябре 2004 г. Не случайно Ж. Бодрийяр охарактеризовал современный терроризм как immoralный ответ на immoralную глобализацию [Бодрийяр, 2016, с. 6].

Наращение террористической активности закономерно завершилось тем, что впервые в истории террористическому движению удалось не просто захватить действительно значительные территории, но и создать на них квазигосударственные структуры, функционировавшие несколько лет – это случай Исламского государства [Todenhöfer, 2015]. Наблюдается и другой эффект: термин «терроризм» в медийном пространстве превратился в пропагандистский штамп, в политический маркер, которым правящие элиты как авторитарных, так и демократических государств склонны обозначать любые формы вооруженного политического протеста. По идеологическим причинам из российских СМИ и научных публикаций практически исчезли столь характерные для советского периода термины, как «национально-освободительная борьба», «революционная война», «повстанцы» и т.д.; теперь практически все они замещены на «терроризм» и «террористы».

¹ Использование японской сектой «Аум Синрикё» самостоятельно изготовленного нервно-паралитического газа при теракте 20 марта 1995 г. в токийском метро, использование исламистами авиалайнеров при разрушении Всемирного торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г.

Что же представляет собой вызов терроризма в эпоху глобализации? Какие факторы определяют новое состояние террористической активности?

Терроризм как политический феномен: Проблема дефиниции

Терминологическая дискуссия относительно понимания терроризма активизировалась во второй половине XX в. и продолжается до сих пор, так и не выработав определения, которое стало бы в политической науке общепринятым. Двумя точками соприкосновения мнений, разделяемых большинством политологов, были (а) наличие политических мотивов [Ward, 2018] в действиях преступников и (б) создание ими атмосферы страха как основной стратегии воздействия на политического оппонента [Этнорелигиозный терроризм, 2006, с. 11]. Далее предлагаемые трактовки начинали расходиться, в том числе и в зависимости от политических предпочтений авторов. Вместе с тем стремление уйти от трактовки современного терроризма как одного из проявлений развернувшегося в современном мире «столкновения цивилизаций» весьма заметно в политологическом дискурсе [Гуторов, Ширинянц, 2017, с. 30]. Логически это понятно: приняв подобную точку зрения, придется подвергнуть ревизии картину понимания политического мироустройства, характерную для современной мировой и российской элиты.

Значительное число исследователей сошлись во мнении и относительно роли информационного фактора в терроризме: сам террористический акт трактуется ими не как самоцель (уничтожение людей или материальных объектов), но лишь в качестве информационного повода, когда действия «актеров-террористов» этого своеобразного социального «театра» подчинены закону максимизации зрелищности для генерации впечатлений «зрителей» [Кенен, 2004]. Эксперт корпорации RAND (американский стратегический исследовательский центр «Исследования и разработка») Б. Хоффман отмечал: «Терроризм можно рассматривать как акт насилия, задуманный с целью привлечения внимания и последующей передачи послания посредством огласки, которую он получает» [Хоффман, 2003, с. 160]. Соответственно, следовал вывод: чем меньше освещаются деяния террористов в СМИ, тем меньше сила

воздействия теракта; в демократических странах с независимыми СМИ, благодаря информационной подпитке, терроризм распространен максимально, в тоталитарных государствах он отсутствует. Информационная стратегия противодействия терроризму до недавнего времени строилась согласно данному подходу. Однако сейчас, в условиях массового распространения Интернета, это правило уже не работает, более того, тактика замалчивания чрезвычайных происшествий и сокрытия реального числа жертв может нанести удар по авторитету властей¹.

В то же время отметим, что правоведы разных стран, не дожидаясь единства мнений исследователей, вводили нормативно-правовое определение терроризма, руководствуясь запросами системы органов поддержания правопорядка. Но здесь возникала проблема иного рода – если научный подход диктовал ученым-теоретикам стремление выработать относительно «узкое» определение терроризма, максимально точно отражающее сущность предмета изучения для последующего поиска его первопричин и методов их устранения, то специалисты-практики, работающие в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности, предпочитали расширительное толкование, позволяющее подвести под обвинение в террористической деятельности разные формы активного политического протеста. Например, согласно действующему российскому законодательству, терроризмом является не только практика (действия), но и идеология, оправдывающая применение вооруженной борьбы против государственной власти [Федеральный закон... 2006]².

¹ 25 марта 2018 г. в торгово-развлекательном комплексе г. Кемерово «Зимняя вишня» произошел пожар, унесший жизни 60 человек. Эта трагедия техногенного рода не была терактом, но информационная пауза, взятая в те дни федеральными и региональными властями, привела к циркуляции провокационных слухов относительно причин и масштабов трагедии, которые якобы скрываются от населения. В Кемеровской области прошли стихийные митинги, начало формироваться протестное движение вокруг фигуры И. Вострикова, потерявшего в «Зимней вишне» семью. Лишь последующими решительными действиями самого широкого спектра, от предоставления родственникам погибших подробнейшей технической информации о пожаре до отставки губернатора А. Тулеева, власть смогла нейтрализовать социальный протест и не дать ему перерасти в политический.

² Еще сложнее ситуация с правовым определением экстремизма, которое по факту в российском законодательстве отсутствует, заменяемое понятием «экс-

Вооруженное насилие, совершаемое в политических целях, является одной из ключевых черт терроризма, выделяющих его из других форм экстремистской деятельности. Учитывая изложенное, можно предложить следующее рабочее определение рассматриваемого предмета: терроризм – вид вооруженного политического насилия, который характеризуется деструктивными действиями негосударственного актора против государственных структур, осуществляемыми методом запугивания в основном гражданского населения через создание угрозы жизни, здоровью, безопасности граждан.

Эффективность воздействия террористических актов напрямую зависит от политической воли и твердой позиции правящей элиты атакуемой страны. Так, С. Хантингтон описывает эффект, противоположный тому, которого хотели добиться террористы, – вместо атмосферы паники и страха, ожидаемых после терактов в Нью-Йорке, «Аль-Каида» получила в качестве противника сплоченное и агрессивное в своем стремлении защититься государство: «Трагические обстоятельства 11 сентября 2001 г. вернули Америке ее идентичность. До тех пор, пока американцы считают, что их стране угрожает опасность, национальная идентичность остается весьма высокой. Если же чувство опасности притупляется, прочие идентичности вновь берут верх над идентичностью национальной» [Хантингтон, 2004, с. 15–16].

Модели терроризма

Сложность определения терроризма и даже самого понимания его сущности на современном этапе обусловлены многофакторностью генезиса этого явления. Исторически можно выделить две базовые смысловые модели терроризма:

тренистская деятельность». Единственное четкое определение собственно экстремизма как социально-политического феномена содержится в Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму, подписанной в Астане 9 июня 2017 г.: «Экстремизм – идеология и практика, направленные на разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий» [Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму, 2017].

– терроризм как элемент тактики национально-освободительной борьбы, сепаратистских движений, агрессивной этнической и культурной экспансии на новых землях. В этом случае наблюдается противостояние народов, культурно-религиозных и политических систем. Эта модель терроризма отличается крайней формой жестокости в отношении оппонента, конечной целью выступает его уничтожение или изгнание с определенной территории. Примерами является деятельность таких террористических группировок, как «Иргун» и «Лехи» против британского господства в Палестине, Фронт национального освобождения против французского господства в Алжире;

– терроризм как несостоявшаяся, закапсулировавшаяся гражданская война в рамках одной социально-политической системы, когда у одной из конфликтующих сторон не хватает ресурсов для полноценного военного сопротивления, а уровень политического антагонизма не позволяет использовать ненасильственные методы. В этом варианте террористы все же стараются избегать излишних жертв, соблюдать некоторые принципы «гуманности» при проведении актов вооруженного политического насилия. Например, член Боевой организации эсеров И.П. Каляев 2 февраля 1905 г. отказался от теракта, поскольку при взрыве бомбы неизбежно погибли бы дети, находившиеся в карете Великого князя Александра Николаевича, бывшего целью покушения. Боевики западногерманской «Фракции Красной армии», одной из наиболее активных террористических группировок 70–80-х годов XX в., целью своих атак выбирали работников правоохранительных органов, глав крупных финансовых и промышленных корпораций, военнослужащих.

Впрочем, говорить о каком-либо «кодексе чести» террористов не приходится: история показала, что любая террористическая группировка, какими бы идеалистическими политическими мотивами она ни обосновывала свою деятельность, в итоге неизбежно вырождается в компанию безжалостных социопатов, отринувших все нормы и условности. Не случайно известные теоретики и практики «революционных войн» партизанского типа считали необходимым особо подчеркнуть нежелательность и даже пагубность проведения террористических актов. Если герой кубинской революционной герильи 1956–1961 гг. Эрнесто Че Гевара отрицал систематическое применение терроризма, но допускал практику

целенаправленного политического убийства «одного из главарей диктаторского режима» [Гевара, 2005, с. 347] (индивидуальный террор), то лидер мексиканских повстанцев 90-х годов XX в. субкоманданте Маркос был уже более последователен в этом вопросе: «Наша борьба обладает кодексом чести, унаследованным нами от наших воинов-предков, который среди прочего содержит в себе следующее: не покушаться на жизнь гражданских лиц (даже если они занимают посты в правительствах, которые нас угнетают), не совершать преступлений для обеспечения себя ресурсами (мы не грабим даже продуктовые лавки) и не отвечать пулями на слова (пусть даже самые лживые и ранящие из слов)» [Маркос, 2005, с. 439–440].

С конца XX в. под воздействием процессов глобализации формируется третья модель терроризма, синтезирующая первые две и являющаяся результатом «прорастания» цивилизаций в их внутренние пространства. Глобализация все сильнее стирает понятия Запада и Востока в крупных городах современного мира, а терроризм, особенно современный, – феномен городской.

Терроризм в контексте социально-политических и экономических изменений

На эволюцию терроризма как формы вооруженного политического насилия исторически влияло два блока факторов:

- мегатренды социально-политических и экономических изменений на уровне международных систем и национальных политий;
- эволюция городского пространства.

Первый блок факторов во многом сформирован процессами глобализации, значимые для исследования аспекты которых мы рассмотрим ниже.

Массовая демократизация / псевдодемократизация национальных политических режимов. Глобализация способствует появлению режимов переходного / гибридного типа с вестернизированной правящей элитой, допускающей авторитарные политические практики по отношению к подконтрольному населению. Еще в 90-е годы XX в. казалось неоспоримым, что диктатура повсеместно проигрывает спор демократии, не выдерживая конкуренции ни по экономическим позициям, ни в плане устойчивости политического ре-

жима. Крушение Советского Союза и ликвидация биполярной системы международной безопасности открыла возможность западным демократиям для прямой военной (Югославия 1999 г., Афганистан 2001 г., Ирак 2002 г.) и опосредованной подрывной (Ливия 2011, Сирия с 2012 г. по н. вр.) деятельности против светских и религиозных авторитарных режимов. Однако на месте разрушенных политик возникли не новые демократии, а неконтролируемые территории «несостоявшихся государств», т.е. идеальные условия для рекрутинга и подготовки членов террористических организаций.

Ослабление режимов пограничного контроля вплоть до эффекта транспарентности национальных границ. Одним из ключевых компонентов в системе безопасности суверенных государств времен господства вестфальских принципов организации международных систем являлся прямой и в идеале всеобъемлющий контроль над собственной государственной границей, пересечение которой пресекалось самыми жесткими методами, вплоть до уничтожения нарушителей. Глобализация подвергла ревизии данные принципы: договариваться с правительством «закрытого» государства о свободном движении капиталов и товаров на его территорию было возможно, но рискованно – национальная политика может измениться. Гораздо более надежным представлялось распространение самой идеологии глобализма «вглубь», внедрение в массовое сознание и культуру таких ее компонентов, как толерантность, естественность этнорелигиозного многообразия в рамках одной территории, мультикультурализм, разрушение дихотомического мышления по принципу «свой – чужой», ослабление национальной идентичности и укрепление общечеловеческих ценностей.

В результате нелегальное массовое пересечение границы европейских демократических государств стало делом относительно безопасным в том смысле, что пограничные войска и полиция теперь по моральным и правовым соображениям не решаются применять оружие против нелегальных мигрантов, которым в худшем случае грозит депортация на историческую родину. Правительства демократических государств уже не столь охотно выделяют ассигнования на материально-техническое обустройство государственной границы, а общественность настороженно относится к возведению заградительных укреплений (примером может служить информационная кампания, развернутая против строительства

«Стены Трампа» на границе США и Мексики). Однако вместе с переселенцами на территорию государства неизбежно попадают и склонные к экстремистским воззрениям люди.

Современная Россия по экономическим причинам даже не пытается создать сплошную полосу пограничных укреплений вдоль государственной границы с Казахстаном (9144,7 км), считая данную задачу неразрешимой, и сосредоточилась на сохранении добрососедских отношений с постсоветскими государствами Центральной Азии. Подобная политика позволила России снять потенциальную геополитическую угрозу на данном направлении, но не ликвидировала угрозы инфильтрации потенциальных террористов, которые пользуются безвизовым режимом между этими государствами и Россией. 29 февраля 2016 г. гражданка Узбекистана Г. Бобокулова совершила жестокое убийство четырехлетней москвички А. Мещеряковой, после чего выкрикивала исламистские лозунги на улицах российской столицы, потрясая отрезанной головой ребенка. Власти сочли преступление столь чудовищным, что не решились на поиск политической мотивировки преступления, предпочтя версию о сумасшествии. 3 апреля 2017 г. уроженец Киргизии (гражданин России с 2011 г.) А. Джалилов совершил подрыв взрывного устройства в метро Санкт-Петербурга, что было признано террористическим актом.

Эволюция технических систем и тактик обеспечения безопасности. Становление современной системы антитеррора началось с 1972 г., когда захват палестинскими боевиками израильских спортсменов на Олимпиаде в Мюнхене и неудачная попытка освобождения заложников выявили уязвимость не только ФРГ, но и всего западного мира перед атаками политических террористов. Пришло осознание того факта, что для эффективного противодействия врагу, остающемуся невидимым до самого момента начала теракта и прицельно атакующему мирных граждан и наиболее уязвимые гражданские объекты, требуется тактическая подготовка иного рода, чем для военнослужащего или полицейского, патрулирующего улицы города. Западная Германия, США, а затем другие европейские страны и СССР создают специализированные антитеррористические подразделения, ориентированные на действия в городской инфраструктуре (включая аэродромы, вокзалы, порты и другие объекты гражданской транспортно-логистической систе-

мы) по точечному подавлению очагов сопротивления боевиков с целью максимального сохранения жизней гражданских лиц.

Под данные задачи адаптировались и военно-технические средства. Например, если до конца 70-х годов XX в. излюбленным тактическим приемом террористов был захват гражданского авиалайнера и выдвижение своих политических требований под угрозой лишения жизней пассажиров и членов экипажей¹, то далее совершать подобные акции становилось все сложнее и бессмысленнее. В 1977 г. западногерманское антитеррористическое подразделение GSG-9 провело успешную операцию в г. Могадишо по уничтожению захвативших авиалайнер террористов и освобождению удерживаемых ими заложников, показав, что подобные задачи тактически уже не являются неразрешимыми. Операция внесла серьезный вклад и в решение назревавшего политического кризиса – захватившие авиалайнер террористы требовали от ФРГ освобождения знаковых фигур международного террористического движения (А. Баадер, Г. Энслин, Я.-К. Распе и др.), на что власти дать согласие не могли. Далее тактическая подготовка бойцов спецподразделений только нарастала, их технические возможности расширялись [Попов, 2011].

Развитие систем массового контроля за поведением граждан, государственный кибершпионаж за частными лицами, формирование метаданных путем автоматизированного аккумулирования информации о частной жизни конкретного человека существенно снизили ресурс выживаемости террористических группировок с традиционной централизованной иерархической системой управления. На смену последним стали приходиться террористические сети, элементы которых отличаются слабой соподчиненностью, а действия каждого конкретного элемента – автономностью и непредсказуемостью. Поэтому добиться победы над терроризмом силовыми методами не удалось, более того, проблема значительно усложнилась [Яшлавский, 2017; Рогожина, 2016].

Изменение методов противоборства за лидерство между великими державами и понимание ими формулы победы. Создание

¹ Преимущественно эти требования заключались в освобождении из тюрем арестованных соратников в сочетании с действиями символического рода с целью привлечения внимания мировых СМИ (например, символический облет на захваченном гражданском авиалайнере территории занятых израильянами палестинских земель) [Парфрей, 2002, с. 149].

ядерного оружия и формирование международного клуба владеющих им великих держав, закрепивших свое право глобального влияния через Совет Безопасности ООН, исключило из практики межгосударственного противоборства прямые широкомасштабные военные действия между ними [Арбатов, 2018, с. 8–9], а понимание формулы победы трансформировалось от уничтожения противника на поле боя с последующей диктовкой своих условий к постепенному истощению ресурсов противника в целях склонения его к переговорам [Цымбурский, 1996, с. 38–40]. Одновременно происходит усложнение конфигурации международной системы в целом, «в основном за счет появления новых и исчезновения старых ячеек межгосударственной сети» [Ильин, 2016, с. 35]. Начались поиски альтернативных способов подавления геополитического конкурента, и в связи с этим оказались востребованы иррегулярные силы комбатантов, формально не связанных с государством, не подпадающих под конвенциональное право регулирования войн. Не сразу политическое руководство великих держав пришло к пониманию того, что заигрывание с негосударственными акторами вооруженного политического насилия рано или поздно неизбежно оборачивается против их покровителей. Например, один из основателей «Аль-Каиды» Усама бен Ладен и лидер талибов Мухаммед Умар (мулла Омар) в 80-е годы XX в. сражались с просоветским режимом в Афганистане под покровительством США, а уже в 90-х годах стали главной угрозой для американской национальной безопасности.

Использование негосударственных комбатантов, практикующих террористические методы, органично вписалось и в основанные на концепции «мягкой силы» [Най, 2014] различные стратегии дестабилизации социально-политической ситуации в современных авторитарных или переходных политиях, получивших обобщенное название «управляемый хаос». Интерес к данному феномену в российской политологии возник на волне падения власти в целом ряде стран Ближнего Востока, Центральной Азии, Восточной Европы и вызвал вполне понятные опасения и экстраполяции на российскую действительность.

Терроризм и современная городская среда

Второй блок факторов, повлиявших на современную эволюцию терроризма, связан с особенностями городской среды. На какие процессы здесь следует обратить внимание?

Надгосударственная межгородская интеграция. Глобализация не только ускорила процесс урбанизации как перемещения населения из сельской местности в городскую среду, но и изменила экономическое, политическое и культурное значение города. Возникает эффект надгосударственной межгородской интеграции, глобальной городской сети, которая, в отличие от национального государства, склонна не защищать суверенные границы, а взламывать, «размывать» их [Фрост, 2018, с. 25]. Экономическая структура современного успешного города нацелена на постоянный приток качественной рабочей силы, интенсификацию товарооборота с городами других государств. На протяжении XX в. село, будучи оплотом традиционализма, в целом верно поддерживало консервативно-государственническое начало. Но село, повсеместно отдающее демографическую массу либо по естественным экономическим причинам, либо под давлением государственных централизованных кампаний (индустриализация в СССР), все ощутимее утрачивало политическое значение, уступая место перенаселенным сперва националистическим, а затем и современным интернационализированным глобальным городам.

Эволюция социальной городской среды. Современный мегаполис предоставляет террористам широкие возможности для деструктивной деятельности как из-за большого количества уязвимых объектов, так и благодаря возможности затеряться, стать невидимыми для органов безопасности, растворившись в атмосфере разреженных социальных связей, коммерциализации и коррупции. В августе 2004 г. смертницы-исламистки А. Нагаева и С. Джебиханова обошли систему безопасности московского аэропорта Домодедово, воспользовавшись услугами перекупщиков билетов, в чей незаконный бизнес были вовлечены и работники аэропорта. В итоге взятка в две тысячи рублей позволила террористам проникнуть на борт двух воздушных судов и унесла жизни 89 человек. В декабре 2013 г. один из двух смертников-исламистов, прибывших в Волгоград, избежал ареста, сумев за взятку без регистрации переночевать в гостинице недалеко от железнодорожного вокзала, взорванного накануне его сообщни-

ком, благодаря чему своевременно не попал в поле зрения правоохранительных органов. На следующий день он совершил теракт в городском троллейбусе, в результате которого погибли 16 человек.

Против тактики «живых бомб» городская система безопасности пока не разработала эффективных мер противодействия – не случайно ей столь большое значение придают современные террористические организации религиозной направленности. Как отмечают израильские эксперты, «Аль-Каида приняла самоубийство в качестве высшего воплощения глобального джихада и подняла исламское мученичество (*истишхад*) до статуса символа веры. Руководители “Аль-Каиды” культивировали дух организации, строя ее этос вокруг приверженности самопожертвованию и воплощения этой идеи в атаках смертников» [Schweitzer, 2005, p. 26].

«Социальная анонимность» и связанные с ней эффекты (в том числе пониженное чувство социальной ответственности, должностная халатность, готовность пренебречь правилами безопасности ради материальной выгоды) характерны для жителей мегаполисов. В малых городах, где еще сохраняются стабильная социальная структура и отчасти территориально-общинный тип социальных соседских связей, она проявляется слабее. Показательна судьба террористической группировки так называемых «Приморских партизан» (2010). Ведя свою преступную деятельность в сельской местности, хорошо им известной с детства, они находили поддержку у части знакомых местных жителей и оставались неуловимыми для российских антитеррористических подразделений и других силовых структур, безуспешно блокировавших район действий боевиков. Но стоило «партизанам» перебраться в Уссурийск на съемную квартиру в многоквартирном доме, как на их след органы правопорядка немедленно навел сосед, озадаченный появлением незнакомых ему молодых жильцов [Антонов, 2011, с. 112].

Городской ландшафт. В западной криминологии традиционно принято выделять три блока факторов, объективно влияющих на уровень городской преступности [Шнайдер, 1994, с. 201–203]:

– географический (пространственно-временной), выявляющий городские районы с повышенной социальной тревожностью, перерастающей в девиантное поведение;

– экологический (средовой), выявляющий воздействие на девиантное поведение горожан окружающей среды, особенностей местности, климата, растительного и животного мира и т.д.;

– топографический (локационный), анализирующий устройство конкретного места преступления, будь то здание, квартира, магазин, пространство между двумя домами и т.д.

На основе анализа этих факторов европейская и американская урбанистика вывела множественные закономерности организации городского социального пространства, минимизирующие склонность к девиантному поведению граждан. Например, была признана нежелательной массовая застройка городского пространства высотными (в несколько десятков этажей) зданиями жилого назначения, поскольку это не только приводило к дискомфорту и «скученности» населения, но и способствовало социальной самоизоляции граждан в границах личного проживания при малом интересе к тому, что происходит за дверью квартиры. Многие из выявленных негативных закономерностей удалось учесть и нейтрализовать в современных стратегиях развития городов, что потенциально ведет к снижению криминальных действий в социуме, но, к сожалению, не защищает от политически мотивированного вооруженного насилия.

Уязвимость инфраструктуры. Российские специалисты в сфере современной урбанистики констатируют: «Анализ различных данных в области защиты городов показал, что на сегодняшний день проблема влияния терроризма и военных конфликтов на городское пространство слабо изучена, архитекторы не готовы дать адекватных решений по защите населения архитектурно-градостроительными средствами. Исходя из этого, реального прорыва в области защитной архитектуры можно ждать только в будущем» [Каримуллин, 2011, с. 28]. Террористическая опасность будет нарастать и по мере неизбежной компьютеризации и автоматизации управления городской инфраструктурой и промышленностью [Jones, 2006, p. 14–24]. С 2004 г. по настоящее время общие экономические потери европейской экономики от действий городских террористов составили 185 млрд евро, из них расходы, непосредственно связанные с гибелью или ранениями граждан, повреждением инфраструктуры, составили 5,6 млрд евро [Ballegooij, 2018, p. 3].

В городе террористов интересуют зоны высокой концентрации беззащитных людей. Поэтому, в зависимости от тактических

задач, они либо совершают атаки на больницы, школы, театральные центры и другие объекты, подходящие для быстрого захвата большого числа заложников и последующего их удержания, либо размещают взрывные устройства на объектах общественного транспорта, вокзалах, в аэропортах, не останавливаясь перед собственной гибелью. Статистика показывает, что в 85–90% случаев террористических актов в городской черте объектом становится именно транспортная инфраструктура [Frolov, 2006, p. 35]. В последние годы Западная Европа и Россия столкнулись с новой террористической тактикой: террористы-одиночки с помощью подручных средств нападают на горожан в местах их массового скопления, направляя грузовые машины на пешеходные зоны, нападая с холодным оружием на людей на улицах, вокзалах, в торговых центрах.

Если готовящийся традиционными методами террористический акт (наличие группы с заказчиком, помощниками, исполнителями, источниками и каналами финансирования, изготовлением взрывчатых веществ и огнестрельного оружия) в ряде случаев успешно выявляется и предотвращается органами правопорядка, то против описанной выше новой тактики городского терроризма политически мотивированных одиночек системы противодействия пока выстроить не удалось.

Среди современных факторов риска террористической опасности в мегаполисе эксперты называют неконтролируемые миграционные потоки, пребывание в городе лиц, причастных к деятельности террористических организаций, наличие сети религиозных учебных заведений в том случае, если имеется вероятность их скрытого перехода под идеологический контроль экстремистов [Федоров, 2012, с. 143–144].

Ресурсная база для боевиков. Гражданские войны в Ливии и Сирии последних лет выявили еще одну тактическую линию террористов. Когда численность боевиков возрастает хотя бы до нескольких сотен человек, они проникают в город под видом мирных жителей, затем захватывают целый квартал, район или другую локацию, используя находящиеся там ресурсы (продовольствие, медикаменты, технику и т.д.) и прикрываясь местными жителями как заложниками. Бои в городской застройке, при большом количестве мирного населения и необходимости причинения минимума повреждений материальным объектам показали неэффективность действий сил защиты правопорядка. Столкнувшись с наличием бое-

виков в городе, власть вынуждена была пытаться их уничтожить либо «при помощи отрядов, специализировавшихся на внезапном нападении на неподготовленного или несистемного противника» [Набиев, 2016, с. 99], либо с использованием полноценных военных подразделений с тяжелым вооружением. В первом случае большие потери несут сами штурмующие подразделения, во втором – армии приходится разрушать жилую застройку, в которой укрываются боевики, способные в решающий момент смешаться с беженцами и покинуть район контртеррористической операции, чтобы через некоторое время взять под контроль другую зону города.

* * *

Демократия, как способ политической организации социума, пока не способна полностью исключить терроризм как политическую практику, несмотря на возможность оппозиционно настроенных граждан легально включаться в политический процесс. Эта проблема была подробно исследована американскими политологами под руководством профессора Калифорнийского университета Д. Рапорта. Обобщая свои наблюдения за политическими режимами переходного типа, исследователь замечает: «Политическое насилие резко возросло в большинстве современных государств сразу после введения демократических форм правления» [Raport, 2001, p. 3], а наличие современного института политических выборов, изначально призванного обеспечить ненасильственное разрешение конфликтов, не гарантирует, к смущению «добрых демократов», от вспышек терроризма [Ibid., p. 16].

Не только «молодые», но и «старые» демократии Европы и Америки не могут выстроить гарантированной системы защиты от современного терроризма. Его истоки отличаются от тех, с которыми Запад имел дело во второй половине XX в., когда он в целом справился с поставленной задачей, подавив террористические движения как ультралевого, так и ультраправого националистического толка. К успеху привело сочетание программ государственной социальной поддержки материально уязвимых страт социума, создание разветвленной системы антитеррористических служб и мировоззренческая эволюция, последовавшая вслед за формированием общества потребления. Консьюмеризм, ставший жизненной

философией Запада, маргинализировал протестные формы политического поведения, популярные в молодежной среде 60–70-х годов XX в., обозначив в качестве основных ценностей умение адаптироваться к окружающей среде, построить карьеру, добиться материального успеха, социального признания, сохранить здоровье и активное долголетие. Все эти жизненные ценности плохо сочетались с психологией терроризма, стремительно утрачивающего кадровую базу.

Положительную тенденцию изменила глобализация, вошедшая в последние десятилетия XX в. в фазу массового перемещения населения из бедных регионов планеты в богатые, из политически нестабильных и опасных для проживания – в безопасные и комфортные. По трагическому для западной цивилизации совпадению эта фаза синхронизировалась с так называемым «исламским возрождением», превращением его в одну из ведущих политических сил современности, включая и неизбежные на каком-то этапе проявления религиозного радикализма. Необустроенная, голодная и религиозная «Глобальная Деревня» пришла в сытый, благополучный и аполитичный «Глобальный Город», вызвав острейший конфликт ценностей, к которому Город оказался не готов.

Исследователи отмечают общий тренд радикализации политического сознания молодежи как европейских, так и восточных стран [Bizina, 2014, p. 79], причем глобализация способствует взаимопроникновению и смешению этих страт, порождая феномен коренного европейца-исламиста. Городская среда неизбежно воздействует на традиционные религиозные общества, создавая в том числе простор для широкого участия женщин в террористических движениях в прямой или опосредованной форме: «Женский джихад означает, что женщины оказывают сильное влияние на нынешнее и следующее поколение террористов, поддерживая своих мужей и братьев, содействуя организациям и террористическим атакам и воспитывая своих детей, чтобы они следовали идеологии» [Nolen, 2016, p. 37].

Ошибкой было бы оценивать возникшую ситуацию как дихотомию Запад – Восток, как противостояние христианства и ислама. Вызов, с которым столкнулась западная цивилизация, гораздо сложнее – социальные, политические, конфессиональные проблемы современного Востока стали частью проблем Запада в рамках глобализовавшегося мира. Каков должен быть ответ на

этот вызов, пока неизвестно. Но уже понятно, что это не изоляция от Востока и тем более не война против него.

Список литературы

- Антонов Р.* Приморские партизаны. – М.: Фонд развития и поддержки гражданского общества «РОД», 2011. – 152 с.
- Арбатов А.Г.* Угрозы стратегической стабильности – мнимые и реальные // Полис. Политические исследования. – М., 2018. – № 3. – С. 7–29.
- Бодрийяр Ж.* Дух терроризма. Войны в заливе не было. – М.: Рипол-Классик, 2016. – 224 с.
- Вэйг Т.* Телемечтатели. Фракция Красной армии 1963–1993. – Гродно: ГОУПП «Гродн. тип», 2004. – 128 с.
- Гевара Э.* Эпизоды революционной войны (сборник). – М.: АСТ, 2005. – 571 с.
- Гуторов В.А., Шириняц А.А.* Терроризм как теоретическая и историческая проблема: Некоторые аспекты интерпретации // Полис. Политические исследования. – М., 2017. – № 3. – С. 30–54.
- Ильин М.В.* Семейное дело Левиафанов. Государства в международных системах // Политическая наука. – М., 2016. – № 4. – С. 22–42.
- Каримуллин Т.А., Айдарова Г.Н.* Безопасный город в экстремальном мире. Постановка проблемы. Модель // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. – Казань, 2011. – № 2 (16). – С. 26–37.
- Кенен Г.* Веспер, Энслин, Баадер: Немецкий терроризм: Начало спектакля. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2004. – 480 с.
- Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму. – Mode of access: [http://ecrats.org/upload/iblock/349/Конвенция%20по%20экстремизму%20\(русский\).pdf](http://ecrats.org/upload/iblock/349/Конвенция%20по%20экстремизму%20(русский).pdf) (Дата посещения: 24.06.2018.)
- Маркос С.И.* Четвертая мировая война. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. – 695 с.
- Набиев Р.Ф.* Некоторые особенности силового противодействия вооруженным экстремистским подразделениям в городских условиях // Вестник Казанского юридического института МВД России. – Казань, 2016. – № 2 (24). – С. 99–100.
- Най Дж.* Будущее власти. – М.: Аст, 2014. – 444 с.
- Оганян Р.* Театр террора. – М.: Грифон, 2006. – 336 с.
- Парфрей А.* Аллах не любит Америку. – М.: Ультра. Культура, 2003. – 432 с.
- Попов Ю.И., Тягоненко Ю.И.* Использование специальных подразделений по борьбе с терроризмом в городских условиях // Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму. – СПб., 2011. – № 5. – С. 39–44.
- Рогожина Н.* «Исламское государство» – угроза безопасности стран Юго-Восточной Азии // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2016. – № 2. – С. 5–14.

- Федеральный закон от 06.03.2006 № 35–ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О противодействии терроризму» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017). – Mode of access: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/4fdc493704d123d418c32ed33872ca5b3fb16936/ (Дата посещения 24.06.2018.)
- Федоров И.В.* Система правового регулирования антитеррористической безопасности мегаполиса (социально-философский аспект) // Управление мегаполисом. – М., 2012. – № 2. – С. 140–144.
- Фрост И., Подкорытова М.* Политический аспект глобализации постсоветского пространства: Города и государства // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2018. – № 4. – С. 25–34.
- Хантингтон С.* Кто мы?: Вызовы американской идентичности. – М.: Издательство АСТ, 2004. – 635 с.
- Хоффман Б.* Терроризм – взгляд изнутри. – М.: Ультра. Культура, 2003. – 264 с.
- Цымбурский В.Л.* Сверхдлинные военные циклы и мировая политика // Полис. Политические исследования. – М., 1996. – № 3. – С. 27–55.
- Шнайдер Г.* Криминология. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Универс», 1994. – 504 с.
- Этнорелигиозный терроризм / Под ред. Ю.М. Антоняна. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 318 с.
- Яшлавский А.* «Аль-Каида»: Старое зло в новом облике // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2017. – № 7. – С. 27–34.
- Ballegooij W., Bakowski P.* The fight against terrorism. Cost of Non-Europe Report (PE 621.817) // EPRS: European Parliamentary Research Service. – Brussels, 2018. – May. – Mode of access: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/621817/EPRS_STU\(2018\)621817_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/621817/EPRS_STU(2018)621817_EN.pdf) (Дата посещения: 20.06.2018.)
- Bizina M., Gray H.* Radicalization of youth as a growing concern for counter-terrorism policy // Global security studies. – Oxford, 2014. – Vol. 5, Iss. 1. – P. 72–79.
- Frolov K.* Problems of urban terrorism in Russia // Table of contents for Countering urban terrorism in Russia and the United States: Proceedings of a workshop. – Washington, DC: National Academies press, 2006. – P. 34–49.
- Jones A., Wells L., Wolin M.* Cybersecurity and urban terrorism – Vulnerability of the emergency responders // Table of contents for Countering urban terrorism in Russia and the United States: Proceedings of a workshop. – Washington, DC: National Academies press, 2006. – P. 14–24.
- Malkki L., Sallamaa D.* To call or not to call it terrorism: Public debate on ideologically-motivated acts of violence in Finland, 1991–2015 // Terrorism and political violence. – L., 2008. – June, 4. – Mode of access: <https://doi.org/10.1080/09546553.2018.1447191> (Дата посещения: 21.06.2018.)
- Nolen E.* Female suicide bombers: Coerced or committed? // Global security studies. – Oxford, 2016. – Vol. 7, Iss. 2. – P. 30–40.
- Rapoport D.C., Weinberg L.* The democratic experience and political violence. – Portland, OR: Frank. Cass, 2001. – 387 p.
- Schweitzer Y., Goldstein S.* Al-Qaeda and the internationalization of suicide terrorism: Memorandum N 78. – Tel Aviv, 2005. – 95 p.

Todenhöfer J. Inside IS – 10 Tage im «Islamischen Staat». – München: Bertelsmann Verlag, 2015. – 288 S.

Ward A. Terrorism remains a contested term, with no set definition for the concept or broad agreement among academic experts on its usage // The National interest. – N.Y., 2018. – May, 31. – Mode of access: <http://nationalinterest.org/feature/how-do-you-define-terrorism-26058?page=2> (Дата посещения: 20.06.2018.)